

УДК 314.148(571.1/.5)''16''(093)

И.Р. СОКОЛОВСКИЙ

**ИСТОРИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ XVII в.
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.**

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: sokolowski@yandex.ru

История численности русского населения Сибири XVII в. стала отдельным вопросом историографии в середине XIX в. Во второй половине XX в. в отечественной науке появляется ряд работ, освещающих численность русского населения. В XXI в. такого рода исследования продолжают. В статье дается обзор этих работ, оценивается их вклад, отмечаются общие трудности, намечаются перспективы исследования.

Ключевые слова: Сибирь, население, колонизация, численность, гарнизоны, XVII в., историография, крестьяне, посадские.

Предметом истории населения является численность, состав и иные его характеристики в определенных географических и хронологических рамках. Русские пришли в Сибирь в конце XVI в., и последующее столетие было первым веком освоения Сибири. История русского населения Сибири XVII в. предполагает три возможных уровня рассмотрения: общесибирский, в рамках группы городов, региона (обычно Западной или Восточной Сибири) и, наконец, на уровне отдельных населенных пунктов.

История численности населения не была предметом специального историографического рассмотрения, хотя историко-демографические сюжеты затрагиваются в работах Н.А. Миненко. Учебное пособие этого автора (1978 г.) доводит обзор литературы до 1977 г., а монография – до 1982 г. [1; 2] Некоторые положения и оценки этих работ не устарели и тридцать лет спустя. Однако с момента выхода указанной монографии опубликовано несколько новых книг по историко-демографической тематике, поменялись исторические подходы. Новые подходы позволяют отделить историю населения от политической и социально-экономической, в рамках которых она рассматривалась прежде. У Н.А. Миненко вопросы демографической истории распределены между главами о заселении Сибири, истории крестьянства и промышленности. Это заставляет нас обратиться к историографии историко-демографической тематики Сибири XVII в.

Первая попытка дать систематические сведения о населении делается П.А. Словцовым в середине XIX в. [3]. Он стремился подвести итоги прироста населения по каждому периоду истории. Для 1662 г. он насчитал в Сибири только мужского русского населе-

ния 70 тыс. чел., для 1709 г. – 229 227 душ обоего пола (152 778 душ муж. пола и 76 439 душ жен. пола)¹ [3, с. 219–221]. Данные эти, видимо, приведены для несопоставимых территорий (в 1709 г. Сибирь была несколько больше, чем в 1662 г.). Источник данных неизвестен.

Складывание сибиреведения в конце XIX – начале XX в. подробно обсуждено в работе Н.А. Миненко, так же как и роль С.В. Бахрушина, чья научная деятельность началась до 1917 г. [2] С.В. Бахрушин проработал до 1950 г., став основателем московской школы сибиреведения. Н.А. Миненко больше пишет о концептуальных аспектах его работ [1, с. 14–15; 2, с. 44–45]. Мы же хотели бы отметить его исследование по истории Красноярска, опубликованное посмертно в 1959 г.; эта работа оказала большое влияние на все работы второй половины XX в. [4].

По схожей схеме строится книга Ф.Г. Сафронова о русском населении на Северо-Востоке Азии. Он исчерпывающим образом рассмотрел вопрос о численности служилых людей Якутска, источниках их происхождения, отметил случаи эпидемий и т. д. [5, с. 50–55, 58–59, 60–61, 63–64].

Большой вклад в изучение истории русского населения Томска был сделан З.Я. Бояршиновой [6]. Работа В.В. Покшишевского, несмотря на ее «демографическое» название, носит более обзорный характер [7]. Во многих аспектах до сих пор непревзойденной остается работа В.Н. Шерстобоева об Илим-

¹ При суммировании данных таблицы, приведенных во 2-м издании работы П.А. Словцова, мы получили несколько иные итоговые результаты: 227 232 чел. (152 793 душ муж. пола и 74 439 душ жен. пола). Разница составляет 2 тыс. душ жен. пола.

ском крае, первый том которой посвящен XVII в. [8] Вопросы истории населения затрагивались в работах В.И. Шункова, посвященных крестьянской колонизации [9; 10]. В середине 1960-х гг. история русского населения в Енисейском крае детально исследована В.А. Александровым и не так подробно А.Н. Копыловым [11; 12].

Однако, несмотря на эти достижения, когда во второй половине 1960-х гг. было предпринято издание многотомной истории Сибири, авторы «феодального» тома дали итоги русской колонизации только на начало XVIII столетия. В 1701 г. численность русского населения определялась в 25 тыс. семей (18 тыс. в Западной и 7 тыс. в Восточной Сибири), а общая численность мужского населения оценивалась в 80–100 тыс. чел. К 1710 г. численность русского населения определяется в 312 872 души (246 963 в Западной Сибири и 65 909 в Восточной Сибири) с разделением по полам (157 040 душ муж. пола и 155 832 души жен. пола) [13, с. 39, 55].

В 1976 г. выходит монография Н.Г. Аполловой о городах Прииртышья, где первая глава посвящена XVII в., а буквально год спустя появляется специальная историко-демографическая работа Я.Е. Водарского по истории России, в которой (по материалам его статьи 1973 г.) уделено место Сибири [14; 15, с. 232].

Подробная характеристика работ 1960–1980-х гг. дана в монографии Н.А. Миненко [2, с. 36–57]. В 1980–1984 гг. Н.Ф. Емельянов публикует свои работы, посвященные заселению Томского Приобья в XVII–XIX вв. Критические замечания как частного, так и общего характера о его методах и результатах уже приводились в литературе, что избавляет нас от необходимости их повторения [16–19; 2, с. 56; 20, с. 37].

К важнейшим работам второй половины XX в., освещающим аспекты истории населения Сибири XVII в., можно отнести работы Н.И. Никитина, особенно его монографию 1988 г. [21] Из трех ее глав первая целиком посвящена вопросам динамики численности «служилого населения» Западной Сибири. Для русских отрядов в Тобольске, Тюмени, Таре, Верхотурье, Туринске, Пельме, Березове и Сургуте данные о численности приведены на 1624, 1630, 1636, 1650, 1663, 1670, 1684 и 1699 гг. Общая численность русских сил в Западной Сибири за 75 лет возросла с 2 181 до 4 655 чел. [21, с. 29]. К концу века западно-сибирские служилые составили примерно половину всех русских военных сил в Сибири. Н.И. Никитин постоянно указывает на источники формирования этих сил, отмечая переведенцев из Поморья, донских казаков, черкас, «литву и немцев», представителей сибирских народов. Автор не оставляет без внимания вопросы естественного движения служилого населения. Уникальный характер в сибирской историографии имеет приводимая им таблица причин выбытия со службы тобольчан (1630–1645 гг.), включающая таблицу смертности (по причинам) – первые две строки [21, с. 53]. Более подробно вопросы смертности обсуждаются в тексте главы несколько ниже [21,

с. 54–55]. Однако подсчитать общие коэффициенты смертности и смертности от различных причин очень трудно. Для Тюмени в 1662/63 г. коэффициент смертности в боевой обстановке равен 8 на 1000, при общем коэффициенте выбытия со службы 103 на 1000. Автор анализирует различные виды механического движения данной группы населения, включая принудительную (ссылка), а также изменение социального статуса (переходы «в посад», «в пашню») [21, с. 55–59]. В составе семей рассматриваются только наследники мужского пола [21, с. 71]. В 1992 г. вышла работа А.А. Люцидарской, в которой целый раздел посвящен вопросам состава семьи XVII – первого десятилетия XVIII вв., успешно дополняющий данные Н.И. Никитина [22].

Исследователь сибирской урбанистики Д.Я. Резун написал две работы, освещающие историю населения Сибири. В одной даются очерки истории большинства сибирских городов и острогов XVII в. с краткими и не систематизированными данными о населении. Вторая книга – это «коллективный портрет» русских служилых людей. В ней собраны биографии и ономастические данные, отразившиеся в картотеке служилых людей, которую Д.Я. Резун собирал более 30 лет и которая насчитывает, по меньшей мере, 70 тыс. карточек. Эта работа раскрывает богатство семейных и клановых связей служилых, что не нашло отражения в обычных учетных источниках [23; 24].

В 1999 г. вышла книга А.Р. Артемьева о городах и острогах Нерчинского уезда, отмечающаяся привлечением большого количества новых архивных документов, с хорошим знанием работ предшественников. Материалы о населении расположены в ней по отдельным городам и острогам без обобщения. В табличной форме приведены только сведения о населении XVIII в. [25, с. 40–119, 326–329]. В работе имеются сведения о жителях 23 населенных пунктов [25, с. 40–119].

В 2005 г. вышла книга И.П. Каменецкого. В ней дана динамика численности служилых, приводятся данные о других категориях населения в Кузнецком уезде за весь XVII в. [26].

В 2010 г. в Санкт-Петербурге издана монография сургутского исследователя В.Д. Пузанова. В четырех главах автор пишет о гарнизонах Тобольска, Пельма, Сургута, Березова, Тюмени, Верхотурья, Туринска и Тары в 1628–1685 гг. Каждому городу отведен один параграф, в котором приводятся две таблицы: одна отражает численность служилых людей, другая – выполняемые ими службы. Отдельный параграф посвящен вооруженным людям в слободах Западной Сибири [27, с. 115–334]. Что касается вопросов истории населения, то его работа дополнительно проясняет результаты Н.И. Никитина.

Работа Г.А. Леонтьевой посвящена Восточной Сибири (Нерчинскому и Иркутскому уездам). В монографии использовано большое количество новых архивных материалов. Она показывает малолюдство Нерчинского гарнизона, в котором от первоначаль-

ного отряда А. Пашкова (460 чел.) в 1669 г. осталось 124 чел., а в 1677 г. было 191 чел. Постоянный гарнизон в Иркутске сложился еще позже, долгое время туда посылали «годовальщиков» из Енисейского уезда. Однако к 1693–1694 гг. в Иркутском уезде служилых людей оказалось больше: в городе и семи острогах несло службу 995 чел., в то время как в Нерчинске и шести острогах насчитывалось 423 служилых [28, с. 36, 54].

Данные о численности населения в XVII в. опубликованы в статьях «Исторической энциклопедии Сибири» о городах и острогах [29]. Современным иностранным авторам часто удается обойтись совсем без данных о численности населения или привести минимальные сведения. В монографии, целиком посвященной ссылке, А. Джентес пишет: «в 1622 г. в Сибири были 23 000 русских и других иностранцев; 40 лет спустя это число равнялось 105 000; и в 1709 г. уже 229 227 и быстро росло» [30, с. 40].

Все работы, касающиеся истории русского населения Сибири XVII в., имеют схожие черты, которые определяются характером источников и теми методами, которые используются для их обработки. Поэтому изучение русского населения Сибири XVII в. связано с определенными трудностями. Они лучше всего вычлняются методом сравнения с программой демографических исследований, принятых развитой статистической наукой [31, с. 170–197].

Прежде всего, это несовершенство учета населения. Его учет был подчинен фискальным целям и контролю над расходами государственных средств. Фиксировалась только та часть населения, которая либо платила налоги, либо получала из казны жалование. Как правило, это были представители самодельного населения, главы семей. Иногда проводились переписи их родственников мужского пола, которые являлись резервом лиц, подлежащих налогообложению или годных к несению службы. Женская половина населения если и учитывалась, то только случайным образом. Например, иногда учитывали ссыльных женщин. В начале века были случаи набора женщин для отправки в Сибирь с целью выправления дисбаланса между полами, сложившегося в первые 40–50 лет русского владычества.

Учет естественного движения населения тоже был далеко не полным. До 1718 г. рождения и браки не регистрировались [32, с. 34]. Смерти отмечались в фискальных документах как основание, например, для прекращения выдачи государева жалования.

Далеко не всегда фискальный учет фиксировал место фактического пребывания. Мы знаем, что значительная часть служилого населения (от 2/3 до 3/4), отмеченного, например в «окладных книгах», на момент переписи фактически находилась в другом месте. По делам службы сибирские казаки и стрельцы преодолевали огромные расстояния, оказываясь то на дальнем зимовье, то в столице царства – Москве.

Важным моментом, затрудняющим изучение русского населения за Уралом, является тот факт, что

фамилии для многих категорий населения не были сложившимся устойчивым признаком человека. Поскольку, как установлено В.Г. Волковым, принадлежность служилого человека к тому или иному «десятку» была более стабильной, постольку мы можем наблюдать изменение фамилий, отчеств и прозвищ от года к году. Для крестьян проследить ономастические изменения гораздо труднее. Число личных имен было ограниченным, поэтому отсутствие устойчивых фамилий сильно затрудняет анализ учетных материалов XVII в.

Многие переписные документы фиксируют возраст сибиряков, особенно тех, кто являлся резервом податных категорий. Однако убедительно показано, что данные о возрасте не точны². Данные о брачном состоянии мужчин фрагментарно присутствуют прежде всего в окладных книгах, где оклады жалования различались на «женатых» и «холостых». В учетных документах совершенно отсутствуют такие основополагающие демографические данные, как дата вступления в брак или число детей, рожденных одной женщиной.

Лучше всего в учетных документах представлены сведения о юридическом статусе населения, который был связан с занятиями. Однако если принадлежность населения к общественным группам определяется достаточно легко (крестьяне, посадские, служилые люди, духовенство и пр.), то сами занятия могут очень сильно варьироваться. Например, широко известно, что большинство ремесленников Сибири были по своему статусу служилыми людьми, а вовсе не посадскими, как можно было бы предположить исходя из формального определения юридического статуса.

Поскольку в XVII в. формальное образование в Московском государстве имели считанные люди, преимущественно иностранцы, то отсутствие данных об образовании в учетных документах не составляет серьезной проблемы. Однако систематических данных по грамотности тоже не имеется. Современное исследование К. Витценрата [33, с. 97] свидетельствует примерно о 10 % грамотности служилых людей.

Неясными являются вопросы о национальности, этничности, родном языке, даже о вероисповедании. Хотя издана специальная монография о западно- и восточноевропейском элементе в Томске, Енисейске и Красноярске, данные, приводимые в этой книге, получены на основании анализа большого массива фрагментарных сведений [20].

Даже вопрос о вероисповедании не так прост, как кажется. Конечно, большая часть русского населения и крещеная часть аборигенного населения являлись прихожанами Русской православной церкви. Однако имеются данные о том, что в Сибири было заметное число католических священников и монахов, которые,

² Борисов В.Е. База данных как средство комплексного анализа локальных социальных процессов (анализ крестьянского хозяйства в Ирбитской слободе XVII в.) // URL: <http://www.tssi.ru/lomonosov/2010/Борисов.pdf> (дата обращения: 27.01.2013).

возможно, даже совершали требы и служили по латинскому обряду. Кроме того, проживали представители и других конфессий. После реформы Никона острым становится вопрос о старообрядцах.

Подводя итоги, следует сказать, что в целом основные вопросы формирования населения Сибири в XVII в. изучены сравнительно неплохо. Мы представляем себе численность служилых Западной и Восточной Сибири. Располагаем сведениями о числе крестьян и посадских, имеем фрагментарные данные о составе семьи и естественном движении населения, а также отдельные сведения о миграциях. Мы имеем представления об общей численности русского населения Сибири, особенно на конец XVII в. Однако более подробная картина могла бы быть получена благодаря применению новых методик, таких как: создание банка данных всех персоналий сибиряков XVII в. и обработка его машинным способом. Это позволило бы лучше понять процессы как естественного, так и механического движения населения, разрешить ряд вопросов о численности и составе семей. В данном отношении мы хотели бы присоединиться к мнению Н.А. Миненко, высказанному в 1984 г.: «Для решения этой задачи требуется дальнейшее расширение методики их анализа (в т. ч. применения ЭВМ для обработки массовых данных) и возможно более полный учет всех полученных результатов» [2, с. 56, 57].

ЛИТЕРАТУРА

1. Миненко Н.А. Историография Сибири (период феодализма). Новосибирск, 1978.
2. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.
3. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. Новосибирск, 1995.
4. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М., 1959. Т. 4.
5. Сафронов Ф.Г. История Северо-Восточной Азии XVII – начала XX в. Новосибирск, 2010.
6. Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды ТГУ. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
7. Покшишевский В.В. Заселение Сибири. М., 1951.
8. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня: в 2 т. Иркутск, 1949. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века.
9. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М.; Л., 1946.
10. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956.
11. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.
12. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965.
13. История Сибири. Л., 1968. Т. 2.
14. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976.
15. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
16. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск, 1980.
17. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981.
18. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск, 1982. Ч. 2.
19. Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984.
20. Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004.
21. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988.
22. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992.
23. Резун Д.Я., Васильевский П.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
24. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993.
25. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999.
26. Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири. Омск, 2005.
27. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI–XVII вв. М., 2010.
28. Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012.
29. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009.
30. Gentes Andrew A. Exile to Siberia, 1590–1822. N. Y., 2008.
31. Курс демографии : учеб. пособие / А.Я. Боярский и др. 3-е изд. М., 1985.
32. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979.
33. Witzernath Christoph Cossacks and the Russian Empire, 1598–1725. Manipulation, Rebellion and Expansion into Siberia. L.; N. Y., 2007.

Статья поступила
в редакцию 04.02.2013